

Научная статья
УДК 81.13+81.37+81.42
doi: 10.17223/19996195/70/5

Функциональный потенциал метафоры в художественном дискурсе. Миромоделирующая функция метафорического переноса (на материале романа Д. Гранина «Мой лейтенант»)

Ирина Яковлевна Пак¹, Татьяна Александровна Демидова²

¹ *Народный университет Китая, Пекин, КНР, Ira3822@yandex.ru*

² *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия, demidtanya@yandex.ru*

Аннотация. Исследование выполнено в рамках когнитивного направления лингвистики и посвящено описанию функционального потенциала метафоры в художественном дискурсе. Отмечается, что метафора является ключевым элементом художественного дискурса и в синтезированном виде представляет все его главные характеристики. В работе уделяется внимание типологии функций метафоры в романе Д. Гранина «Мой лейтенант», выделяются эмоционально-экспрессивная, оценочная, этическая, характеризующая, эстетическая, назывная (номинативная) функции, функция культурного кодирования. В качестве основной признается миромоделирующая функция метафоры. Цель исследования – описание функционального потенциала метафорического переноса и выделение когнитивных метафорических моделей, демонстрирующих реализацию миромоделирующей функции метафоры в романе Д. Гранина «Мой лейтенант». Объект исследования – метафорические единицы в романе Д. Гранина.

Авторы опираются на теорию образности, постулаты которой представлены в работах ученых Томской лингвистической школы (О.И. Блинова, Е.А. Юрина), и считают образными единицы лексического и синтаксического уровней, обладающие семантической двуплановостью и метафорической внутренней формой, реализующие свой образный потенциал в контексте. Степень детерминированности метафоры контекстным окружением определила градацию образных единиц: языковые – художественные – индивидуально-авторские. Описываются способы создания метафорического переноса при создании авторской метафорической единицы, характерные для картины мира Д. Гранина: прием оксюморона, заключающийся в соединении в процессе метафоризации противоположных/антонимичных объектов; опредмечивание реальности путем объединения сфер абстрактного и предметного мира и др. В результате чего реципиент оказывается вовлеченным в когнитивный процесс декодирования информации. При этом отмечается, что метафорическая модель, вербализованная в авторской образной единице, хотя часто окказиональна, тем не менее построена по типовым схемам и содержит ключ к декодированию. Выделяются продуктивные метафорические модели, участвующие в формировании пространства произведения и образа главного героя. Определяется главный принцип, являющийся основанием базовых когнитивных моделей в романе Д. Гранина, – принцип антропоцентризма. В результате исследования миромоделирующей функции образных единиц выделя-

ются три когнитивные модели: нечто – человек (живое существо), живое существо – живое существо, человек (живое существо) – нечто, даются их характеристики, состав, описываются продуктивность и особенности реализации каждой модели в авторском контексте. Делается вывод о том, что при создании метафорических моделей Д. Гранин в основном обращается к универсальным образам, знакомым носителям любого языка и культуры, а образные единицы, вербализующие ключевые метафорические модели, участвуют в характеристике ключевых сфер жизни: человек, природа, пространство, война, материальный мир и др.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, художественный дискурс, миромоделирующая функция, контекст

Для цитирования: Пак И.Я., Демидова Т.А. Функциональный потенциал метафоры в художественном дискурсе. Миромоделирующая функция метафорического переноса (на материале романа Д. Гранина «Мой лейтенант») // Язык и культура. 2025. № 70. С. 86–108. doi: 10.17223/19996195/70/5

Original article

doi: 10.17223/19996195/70/5

Functional Potential of Metaphor in Artistic Discourse. World-modeling Function of Metaphorical Transfer (based on the material of D. Granin's novel “My Lieutenant”)

Irina Ya. Pak¹, Tatyana A. Demidova²

¹ Renmin University of China, Beijing, People's Republic of China, Ira3822@yandex.ru

² National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russia, demidtanya@yandex.ru

Abstract. The study was carried out within the framework of the cognitive field of linguistics and is devoted to the description of the functional potential of metaphor in artistic discourse. It is noted that metaphor is a key element of artistic discourse and in a synthesized form represents all its main characteristics. The paper pays attention to the typology of the functions of metaphor in D. Granin's novel “My Lieutenant”, highlights the emotionally expressive, evaluative, ethical, characterizing, aesthetic, nominative functions, the function of cultural coding. The world-modeling function of metaphor is recognized as the main one. The purpose of the study is to describe the functional potential of metaphorical transfer and highlight cognitive metaphorical models that demonstrate the implementation of the world-modeling function of metaphor in D. Granin's novel “My Lieutenant”. The object of the study is metaphorical units in D. Granin's novel. The authors rely on the theory of imagery, the postulates of which are presented in the works of scholars of Tomsk Linguistic School (O.I. Blinova, E.A. Yurina), and consider figurative units of lexical and syntactic levels that have semantic ambiguity and metaphorical inner form, realizing their figurative potential in context. The degree of determinacy of the metaphor by the contextual environment determined the gradation of figurative units: linguistic – artistic – individual and authorial. The methods of creating a metaphorical transfer when creating an author's metaphorical unit, characteristic of D. Granin's worldview, are described: the oxymoron technique, which consists in combining opposite/antonymous objects in the process of metaphorization; objectification of reality by combining the spheres of the abstract and objective world, and others. As a result, the recipient becomes involved in the cognitive process of decoding information. It is noted that the metaphorical model verbalized in the au-

thor's figurative unit, although often occasional, is nevertheless built according to standard schemes and contains the key to decoding. The paper highlights productive metaphorical models involved in the formation of the space of the work and the image of the main character. The main principle, which is the basis of the primary cognitive models in D. Granin's novel, the principle of anthropocentrism, is determined. As a result of the study of the world-modeling function of figurative units, three cognitive models are distinguished: something – a person (a living being), a living being – a living being, a person (a living being) – something, their characteristics, composition are given, productivity and features of the implementation of each model in the author's context are described. As a result of the study, it is concluded that when creating metaphorical models, D. Granin mainly refers to universal images familiar to native speakers of any language and culture, and figurative units that verbalize key metaphorical models participate in characterizing key areas of life: man, nature, space, war, material world, etc.

Keywords: metaphor, metaphorical model, artistic discourse, world-modeling function, context

For citation: Pak I.Ya., Demidova T.A. Functional Potential of Metaphor in Artistic Discourse. World-modeling Function of Metaphorical Transfer (based on the material of D. Granin's novel "My Lieutenant"). *Language and Culture*, 2025, 70, pp. 86–108. doi: 10.17223/19996195/70/5

Введение

Изменение научной парадигмы, поставившей в центр изучения не только язык, но и человека, повлияло на смещение исследовательских акцентов в лингвистике: произошел постепенный переход от системно-структурного рассмотрения языковых единиц к функционально-коммуникативному. В фокусе исследователей – единицы различных языковых уровней (фонетического, морфемного, лексического, синтаксического), но особое внимание уделяется метафоре, которая в рамках современных лингвистических направлений понимается как ментальный феномен, позволяющий сопоставлять разные предметы и явления действительно на основании их сходства и имеющий национально-культурную специфику и языковое выражение [1–5].

Функциональный аспект изучения метафоры представлен в рамках нескольких лингвистических направлений (стилистики, лингвопоэтики, семасиологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и др.) и рассматривается на различном языковом материале: в сферу исследования вовлекаются художественный [6–8], научный [9], финансовый [10], рекламный [11], медийный [12, 13] дискурсы. По верному замечанию А.П. Чудинова, «едва ли не каждое новое направление в лингвистике предлагает свое понимание сущности и свои представления о функциях метафоры» [2. С. 30]. Но в целом есть сходные положения во всех исследованиях. Авторы отмечают, что любая классификация будет носить условный характер и в речи наблюдается взаимодополняемость функций. Также вопрос о количестве функций метафоры остается дискуссионным. В одних исследованиях представлены одна-две функции, а

остальные считаются их вариантами [2], в других – функции определяются как относительно самостоятельные явления [14]. Наиболее полное освещение этого вопроса – в трудах В.К. Харченко, которая выделяет 15 функций: номинативную, информативную, мнемоническую, стилеобразующую, текстообразующую, жанрообразующую, эвристическую, объяснительную, эмоционально-оценочную, этическую, аутосуггестивную, кодирующую, конспирирующую, игровую, ритуальную [14]. Но необходимо отметить, что предложенная иерархия соотносит функции метафор с определенными стилями речи.

Н.Д. Арутюнова рассматривает несколько типов языковых метафор в зависимости от их функций (номинативная, образная, когнитивная, генерализующая) и добавляет, что «в целом же метафора не может найти себе пристанище ни в одной функции» [15. С. 340]. В.П. Москвинным также предлагается обширная классификация этого языкового явления, среди метафор он отмечает номинативную, оценочную, декоративную, изобразительную, пояснительную, когнитивную, корневую и др. Пытаясь упорядочить все в единую систему, исследователь приходит к выводу, что основных функций метафоры только две – номинативная и экспрессивная [16. С. 172].

В рамках когнитивного подхода изучением метафорического функционала занимались Дж. Лакофф, М. Джонсон [1], А.П. Чудинов [2] и др. Ученые считают, что в качестве основной может быть названа только когнитивная функция, т.е. «функция обработки и переработки информации» [2. С. 49], ее задача – «обеспечивать частичное понимание одного вида опыта на основе другого вида опыта» [1. Р. 182], а другие функции можно рассматривать как ее варианты (номинативная, коммуникативная, прагматическая, изобразительная, гипотетическая, моделирующая, инструментальная, эвфемистическая, популяризаторская и др.) [2]. В соответствии с положениями теории когнитивной метафоры, «метафора – это не украшение языка, а инструмент, упорядочивающий нашу понятийную систему» [17. С. 42]. Интересна мысль С. Вэй о том, что функции метафоры могут быть соотнесены с понятийными сферами источника метафоры (военная метафора выполняет когнитивную функцию, спортивная, антропоморфная – экспрессивную, медицинская – эстетическую и т.д.) [18. С. 1457].

Данное исследование выполнено в рамках когнитивного подхода и посвящено описанию функционирования метафоры в художественном дискурсе. Взгляд на художественную/авторскую метафору как когнитивный механизм, являющийся «репрезентантом авторской картины мира» [19. С. 126], определил цель данного исследования – описать функциональный потенциал метафорического переноса и выделить когнитивные метафорические модели, демонстрирующие реализацию ми-

ромоделирующей функции метафоры в романе Д. Гранина «Мой лейтенант» [20]. Для достижения цели предполагается решение следующих задач: выделить контексты, содержащие образные единицы разных уровней, описать основные способы формирования метафорического переноса, обозначить основные функции, выполняемые метафорой в контексте, проанализировать структуру метафорических моделей разных тематических групп (главные тематические пласты произведения), выявить основные метафорические модели, являющиеся ключевыми в произведении Д. Гранина и участвующие в моделировании авторской картины мира. Объект исследования – образные единицы лексического и синтаксического уровней, в которых происходит вербализация основных метафорических моделей. Акцент делается на романоделирующей функции метафоры, поскольку именно она является ключевой в произведении Д. Гранина. Актуальность работы обусловлена необходимостью более глубокого изучения проблемы метафорического моделирования в художественном дискурсе, так как метафора является транслятором индивидуально-авторской картины мира, кроме того, «индивидуальный когнитивный опыт художника, поэта, творца как культурно-языковой факт является неотъемлемой составной частью коллективного опыта познания мира» [21. С 3–4].

Методология исследования

Материалом исследования послужил текст романа Д. Гранина «Мой лейтенант» (2011). Общее количество проанализированных контекстов, включающих образные единицы разного структурно-семантического статуса, – 223. Выбор материала обусловлен несколькими факторами. Во-первых, это последнее большое повествовательное произведение известного писателя, которое, с одной стороны, было отмечено различными наградами, с другой – вызвало волну дискуссий и споров. В современную эпоху вопросы, затронутые в романе, связанные с местом и ролью человека в мире, с физическим и психологическим преодолением себя, с выживанием в военное и послевоенное время, встают особенно остро. Осмыслить их и найти ключ к решению – задача ученых, представляющих разные научные направления. Во-вторых, большая часть существующих исследований романа выполнена в литературоведческом ключе, лингвистические же исследования не многочисленны, они связаны с описанием фрагментов авторской картины мира, ключевых концептов [22, 23], проблемой перевода [24]. В настоящее время практически отсутствуют работы, в которых описываются основные способы метафорического переноса и выделяются типовые метафорические модели, характерные для прозы писателя. Можно отметить лишь несколько работ, где анализируют отдельные метафорические проекции

в прозе Гранина [25] и описывают образный компонент определенного лингвокультурного типажа [26]. В целом же взгляд писателя на мир сквозь призму метафоры, индивидуально-авторское мировосприятие, метафорическое миромоделирование действительности в пространстве художественного текста – то, что еще необходимо глубоко изучать. В связи с этим выбор материала для исследования становится очевиден.

Основой методологии послужили теория когнитивной метафоры, последователи которой выделяют ключевые метафорические модели, участвующие в формировании картины мира [1, 2, 27, 28], и исследования функционирования метафоры в художественном дискурсе [19, 29, 30]. Вслед за А.П. Чудиновым под метафорической моделью понимается схема связи между двумя понятийными областями, условно называемыми «сфера-источник» и «сфера-донор», также большое внимание уделяется поиску компонента, связывающего эти сферы, т.е. основания для метафорического переосмысления [2]. Такой подход позволяет не только рассмотреть два разнородных явления действительности во взаимосвязи (реальной или мнимой), но и объяснить некоторые когнитивные процессы нашего сознания, результаты которых находят отражение в языковой картине мира.

Также авторы опираются на работы исследователей, описывающих функциональный потенциал метафоры в разных типах дискурса и представляющих типологии функций метафоры [2, 14, 15, 31]. Особого внимания заслуживает работа В.К. Харченко, поскольку исследователь не только подробно описывает давно выделенные и успешно изученные функции метафоры (эмоциональную, оценочную, номинативную и др.), но и акцентирует внимание на тех, что не являлись прежде предметом пристального внимания лингвистов (функция культурного кодирования, характеризующая и др.). Представление широкого спектра функциональных возможностей метафоры в художественном тексте доказывает, что в данном дискурсе она выполняет не только эстетическую или стилеобразующую функцию [14].

Значимыми для данной статьи являются также труды по проблемам процесса миромоделирования в современной лингвистике [32] и миромоделирующей функции образных единиц [2–4, 21, 33, 34]. Эта функция проявляется в способности метафоры генерировать обширные фрагменты языковой картины мира и отражать типичную для данного социума иерархию представлений о человеке и мире (обществе, природе). Именно миромоделирующая (или в терминологии А.П. Чудинова схематизирующая) метафора создает определенную модель мира [2], собирая в мозаику отдельные ментальные и языковые компоненты и представляя их во взаимосвязи. При изучении миромоделирующей функции метафоры авторы частично опирались на методику А.В. Балдовой, предполагающую такие этапы, как определение денотатов образных номинаций

на основе анализа их семантики, классификация тематических (понятийных) групп, участвующих в процессах категоризации и концептуализации, поиск оснований для образных сравнений и описание ментальных схем построения метафорических моделей [33].

При идентификации единицы как образной авторы руководствуются принципами теории образности, изложенной в работах представителей Томской лингвистической школы О.И. Блиновой и Е.А. Юриной [5, 35, 36], и считают образными единицы, обладающие двуплановой семантикой и метафорической внутренней формой. К образным единицам относятся единицы лексического и синтаксического уровней: метафора, собственно образная лексическая единица, сравнение, сложные образные единицы – образное единство (объединение в контексте нескольких образных единиц, реализующих один образ-эталон, одну метафорическую модель), идиоматичные образные выражения (идиомы, пословицы, поговорки, фразеологизмы). Дискурсивно обусловленным является деление этих единиц на языковые (узуальные, конвенциональные), художественные (переходные, оторвавшиеся от контекста, ставшие кодом), индивидуально-авторские (детерминированные контекстом, отмеченные печатью авторства). Отметим, что несмотря на неустойчивость авторской метафоры, она создается по общеязыковым, универсальным метафорическим моделям, так как «в метафоре сосуществуют универсальность и специфичность» [37. С. 71]. В контексте же происходит актуализация, трансформация значения, семантический сдвиг, т.е. наложение общеязыкового, универсального и индивидуально-авторского.

При систематизации и интерпретации исследуемого материала применяются описательный метод, метод компонентного и контекстуального анализа, дискурсивный и дефиниционный анализ. В работе используются приемы сплошной выборки и количественной обработки данных.

Исследование и результаты

В художественном дискурсе метафора (художественная/авторская) является ключевым, неотъемлемым элементом, соединяющим в своей структуре и семантике общеязыковое и индивидуально-авторское содержание. По верному замечанию Д.У. Ашуровой, «художественная метафора... отражает сущность художественного дискурса и заложена в основе его глубинного содержания», она «впитывает все присущие художественному дискурсу характеристики и категории: антропоцентричность, субъективизм, образность, эмотивность, имплицитность, оценочность, лингвокреативность, эмерджентность, ассоциативность, эстетическая концептуальность, интерпретируемость» [19. С. 126]. Анализируя функционирование метафоры в художественном тексте, исследователи,

как правило, выделяют прежде всего ее эстетическую функцию, т.е. отмечают, что метафора служит украшению речи [15. С. 340]. Данное языковое явление часто соотносят с понятием стиля и сюжета произведения, таким образом, отмечаются такие функции, как стилеобразующая и сюжетообразующая [6, 14]. Художественный дискурс также характеризуется высокой степенью выражения различных эмоций и чувств, и большую роль в этом играют метафоры, за которыми закрепляется статус экспрессивных единиц. Но авторы часто подчеркивают, что название функции в этом случае не является каноническим. Эмоциональные, оценочные окраски слов и выражений часто наслаиваются друг на друга, поэтому трудно подобрать подходящее определение функции: эмоционально-оценочная, мотивная, экспрессивная или оценочная [38]. Не всегда функции метафоры в художественном тексте осмысляются в рамках терминологического поля. В некоторых работах избегают употребления конкретных названий функций, используя описательные выражения о том, что метафора выражает главные идеи автора, внутренний мир героев, состояние природы [8]. Но анализируя художественные тексты, можно заметить, что в них метафора выполняет не меньше функций, чем в других дискурсах (публицистическом, разговорном и др.), и ее функционирование не сводится к выполнению эстетической функции и украшению текста.

В произведении Д. Гранина «Мой лейтенант» функциональный потенциал метафоры проявляется особенно ярко. Военные сражения и состояния героя в те моменты описываются очень эмоционально, образно, передавая ужас, отчаяние и страх перед смертью: *Самолеты заходили вновь и вновь, не было конца этой адской карусели; Массовый страх парализует мысль; Злобный крик летящих бомб заполнял все пространство.* В этих примерах реализуется **эмоционально-экспрессивная функция**. Описывая действия советских военачальников, готовых на бесчисленные жертвы солдат из-за страха за свою жизнь, должность или ради продвижения по службе, автор использует такие метафоры: *У начальства выигрывал тот, кто атаковал, кладя людей без счета, кидая в бой все, что мог, кто требовал еще и еще, кто брал числом, мясом. Сколько было таких мясников среди прославленных наших генералов; Мясорубку не останавливали. Потери никого не смущали.* Здесь выражено отношение автора и к ситуации («мясорубка»), и к высшим военным чинам («мясники»), и к простым солдатам, чья жизнь ничего не стоит («мясо»), дается отрицательная оценка происходящему во время войны, следовательно, основной функцией здесь выступает **аксиологическая**. Из оценочной функции вытекает и **этическая**, характеризующая человека и мир с позиции нравственности, морали: *«В России мы оскопились»*, – говорит о себе немец, участник бывших военных сражений.

Также можно отметить и наличие **характеризующей функции**, когда главный герой, инженер, выпускник политехнического института,

акцентирует внимание на своем образовании, используя «технические», «химические» метафоры: *Супружество – как закон сообщающихся сосудов: что ни делаешь, отражается на другом, любое решение, настроение; Их любовь еще не окрепла, процесс кристаллизации еще не закончился.* Как и в любом художественном произведении, в романе Д. Гранина есть и **эстетическая функция**, но она не является преобладающей, так как прежде всего это личный рассказ о человеке, который прошел все тяготы военной жизни, лишенной прекрасного. В основном метафора в этой функции используется, когда речь идет о событиях довоенной и послевоенной жизни: *Начало любви, восходящая ветвь круто поднималась к звездам, в бесконечность, казалось, так будет всегда; Она считала, что прибыл принц, тот, кто долго мечтал о ней. На белом коне.* Выделяется также функция, которую условно можно назвать **функцией культурного кодирования**. Это происходит тогда, когда в метафорическом выражении заложена культурная, историческая, общественно значимая информация. Чаще всего такие метафоры имеют в своем составе слова с национально-культурными коннотациями. Читателю как будто предлагается разгадать культурный код и самому определить основание для метафорического переосмысления. Герой, получивший военный билет, так описывает себя: *Шибко романтический юноша, форменный Павка Корчагин, или Гаврош, или Рахметов; Иосиф Швейк изобрел выход из любого затруднения солдатской жизни – становиться придурком, швейковаться.* В последнем предложении также можно указать на **назывную функцию** метафоры, когда новое явление получает образное наименование.

Но наиболее яркой в данном произведении является **миромоделирующая функция**. Эта функция проявляется, когда происходит метафорическая трансформация реального образа мира с помощью коллективного или индивидуального сознания. Таким образом, метафора в широком смысле участвует в процессе категоризации и концептуализации действительности. Метафора как когнитивный механизм, участвующий в создании модели реальности, находит свое выражение в образных единицах, реализующих свой функционал в контексте. Причем речь идет о контексте основном, отражающем общее/коллективное, и вторичном, транслирующем индивидуальное [19, 39, 40].

Как отмечалось, в романе «Мой лейтенант» процесс метафорического моделирования выступает репрезентантом основных смыслов произведения и авторской картины мира. В основе создания авторской метафоры Гранина часто лежит прием оксюморона или, по выражению Н.Д. Арутюновой, «метафорический сюрприз», наиболее ярко проявляющийся, когда «противоположаемые разряды объектов» далеко отстоят друг от друга [31. С. 20]. По мнению исследователя, «соположение дале-

кого (создание сходства) – один из важных принципов построения художественной речи» [31. С. 20]. Соседство объектов разных (часто противоположных) понятийных сфер – ключевая черта метафорического моделирования в произведении Д. Гранина. Например, **война – природа (мир):** *птичий посвист пуль* (Воздух был наполнен птичьим посвистом пуль); **нет границ – есть границы:** *небосвод потолка* (По синему небосводу потолка летели купидоны); **конкретное – абстрактное:** *облепить воспоминаниями, кусок прошлого* (Вещи облеплены воспоминаниями. У каждой свой кусок твоего прошлого); **есть звук – нет звука:** *скрипучая тишина* (На фронте было шумно, а в городе совсем тихо, и чем дальше, тем тише. Мы забирались в скрипучую тишину).

Иногда «метафорический сюрприз» реализуется в необходимости «опознания» (на основе подобия/схожести) конвенциональной образной единицы, формально и семантически трансформируемой в контексте, но реализующей знакомую реципиенту метафорическую модель. В результате реализуется контекстуальный переход узуальной единицы в индивидуально-авторскую. Например: *побелеть от страха* (испугаться, стать бледным) – *белел страх* (Ефрейтор пытался улыбаться, но в его выпученных глазах белел страх). Читатель вовлекается в процесс разгадывания, декодирует информацию, используя свой когнитивный опыт и опираясь на контекст произведения. В целом же способность соединять противоположное, «улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом» – черта образного мышления каждого индивидуума, так как «в практике жизни образное мышление весьма существенно» [31. С. 9]. Умение декодировать такую информацию также естественный процесс мыследеятельности, поскольку любая метафорическая модель, заложенная в структуре и семантике образной единицы, хотя в случае художественного дискурса и окказиональна, тем не менее построена по узнаваемым, знакомым схемам и содержит ключ к декодированию. Это естественная когнитивная деятельность человека, опирающегося на свой языковой и экстралингвистический опыт, на ментальную и эмоциональную сферы, поскольку метафора в художественном дискурсе часто ориентирована «на подсознание, позволяя обойти разумные логические цепочки, что делает шире простор для ее воздействия на чувственную сферу» [34. С. 42].

Преимущественно же метафора Гранина реалистична, предметна. Ее «видно и слышно», она физически ощущается (*завыла мина, снег вошел под ногами, дребезжащий голос, поражение это смрад, смрад моей трусости*). Ключевой прием, лежащий в основе формирования метафоры писателя, – «опредмечивание реальности». Реализуется он снова путем смешения противоположных сфер – высокого и низкого, нематериального и материального: память/время – оторванные листья капусты

(Прошлое отдиралось слоями, как капустные листья); человек – отбивная (*Сейчас это был кусок мяса, отбивная, может, и не Кузнецов*), человек – самовар (*Вспомнилось, как в госпитале у Меерзона видел помороженных ребят с отрезанными руками, ногами и тех, кого вовсе превратили в «самовары»*), разрушенный дворец – скелет (*Ехали в Петродворец к фонтанам, там находили то же самое – руины, останки щебня, мертвые фонтаны, мертвые, неузнаваемые скелеты дворцов*). Именно этот прием помогает увидеть мир натуралистично, без прикрас, ощутить его истинную суть, проникнуть в мировосприятие героя, посмотреть на жизнь его глазами. Цель автора – показать реальность, часто с горечью, иронией, дать возможность эту реальность физически ощутить. Неудивительно, что натуралистичная, предметная метафора в основном используется в описании военной жизни или тяжелых воспоминаний и размышлений героя. Но есть сферы, в которых, наоборот, автор показывает свое второе я, свое сердце, любовь к жизни, сохранившуюся теплоту, нежность, доброту, умение видеть прекрасное – это *природа, искусство, любовь*. Это то, что не давало сломаться, то, что грело душу, давало опору в жизни, на войне. Это второе лицо лейтенанта. В процессе метафорического моделирования этих категорий участвуют иные сферы-источники. Природа: небо – младенец (*Небо, еще младенчески розовое, обещало жаркий день*). Любовь: любовь – цепь островов (*Любовь не бывает сплошной, она, как цепь островов, цветущих, опустелых, больших и малых потухших вулканов, рифов*); любовь – ветвь дерева (*Начало любви, восходящая ветвь круто поднималась к звездам, в бесконечность, казалось, так будет всегда*). Культура, искусство: дворцы и парки – ожерелье (*Восстановление дворцов, пригородов, этого драгоценного ожерелья Ленинграда нельзя было откладывать*). Таким образом происходит метафорическое моделирование личности главного героя – юного и уже опытного; пережившего ужасы войны и реалистично, иногда с сарказмом, смотрящего на мир, но в то же время умеющего видеть прекрасное, вечное.

В целом можно говорить о тенденции к типовому метафорическому переносу в произведении «Мой лейтенант», о контекстуальной реализации ключевых метафорических моделей: чувства – стихии (*жгучий стыд, влажная печаль, пылкая вера, паника бурлит, порывы тревоги, обида жггла*); предметы войны – субъект, имеющий голос (*воплъ бомб, самолеты выли, пули взвизгивали, злобный крик летящих бомб, воздух вопил, прошитый пулями*); враг/действия врага – убийство/смерть (*Немецкая армия приступила к удушению Ленинграда голодом...; Немецкие войска вокруг города вынуждены заниматься полицейскими обязанностями и умерщвлять город голодом и артиллерией*); война/предмет войны – сила, тяжесть, давление (*звук расплющивал, вопль бомб ввинчивался в мозг, вой (летящих бомб) вытягивал из меня*

все чувства); война – ад, хаос, смерть (*Самолеты заходили вновь и вновь, не было конца этой адской карусели; Гуляй, Вася, имею право, жизнь выиграл, досталась как праздник, чтобы заместо тех, своих, кто не уцелел в этой распроклятой жизнерубке*); война – зверь (*Невидимое сражение близилось, это была война, которую я еще не видел, беспощадная ее морда должна была вот-вот высунуться*). Нетипичной здесь является модель война – человек (учитель) (*Война обучала ускоренно, кроваво, без повторений; Война прочистила мозги, рад, что выбрался с руками, ногами*).

Главный принцип, на котором основаны базовые когнитивные модели, выделенные в романе Д. Гранина, – принцип антропоцентризма. В результате исследования миромоделирующей функции образных единиц в романе Д. Гранина «Мой лейтенант» были выявлены три когнитивные модели: НЕЧТО – ЧЕЛОВЕК (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО), ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО) – НЕЧТО. Рассмотрим более подробно каждую группу.

НЕЧТО – ЧЕЛОВЕК (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО)

Антропоморфные образы, отождествляющие человека и действительность и имеющие глубокие корни в любой культуре, находят свое выражение и в романе Д. Гранина. Для произведения характерна архаичная образная модель ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК, в соответствии с которой природные явления и объекты неживой природы (небо, земля, вода, деревья) наделяются физиологическими и психическими характеристиками живых существ: *...вздрыгнула земля; Люди подзабыли войну, а земля еще не может; Небо предало меня; Небо, украшенное пухом облаков, очнулось; Природа возвращалась к своим делам; Погода и та ополчилась на нас* и др. Писатель обращается к традиционному представлению образа земли, воплощающей женское начало: *...матушка-земля, она и прячет, и не горит; Она притворяется, будто ничего не случилось, как женищина*. Вместе с тем на основе базовых моделей развиваются и оригинальные метафорические параллели. Например, архетипическое представление о дереве как человеке реализуется с помощью авторской параллели «липа – рыбак/охотник»: *Липа над нами ловила солнце в свою зеленую сеть*. Солнечные лучи, проникающие сквозь листву, сравниваются с пойманной добычей. И хотя в тексте не употребляются слова, называющие человека, тем не менее, за счет языковых единиц «ловить», «зеленая сеть» создаются более точные образы, связанные с конкретными людьми, наделенными характерными действиями.

Не менее регулярна модель ПРОСТРАНСТВО – ЧЕЛОВЕК. В тексте она находит свое воплощение при описании Ленинграда, имеющего особое значение для писателя: *...город спал; Не разбудить ли город?*

Блокадный Ленинград наделяется физиологическими и психическими характеристиками человека, подчеркивается его «болезненное» состояние во время войны: *Город за грязным вагонным стеклом выглядел странно. Вел как бы мирную жизнь. Притворялся, что ничего не происходит; Город вздрогнул, очнулся и др.* Взятие Ленинграда подобно смерти человека, эта мысль неоднократно повторяется: *Немецкая армия приступила к удушению Ленинграда голодом; Немецкие войска вокруг города вынуждены заниматься полицейскими обязанностями и умерщвлять город голодом и артиллерией.* Ленинград предельно «очеловечен», вплоть до конкретных мест (помещений, достопримечательностей): *Ехали в Петродворец к фонтанам, там находили то же самое – руины, останки щебня, мертвые фонтаны, мертвые, неузнаваемые скелеты дворцов; Уцелевшие атланты безнадежно взирали на них с простенков дворца.*

Подчеркивая беспощадность, жестокость войны, автор прибегает впоследствии к сравнению города с камнем, здесь происходит постепенный переход из «очеловечивания» Ленинграда в «окаменение», из живого в неживое: *...мы защищали город, а они все равно добивались туда через наши головы, они били, били каждое утро и после обеда, перемалывая город в камень.*

Продуктивна метафорическая модель АРТЕФАКТ – ЧЕЛОВЕК (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО).

Интересно сравнение некоторых продуктов питания с людьми, имеющими определенные признаки, свойства. Ценность пищи на войне подчеркивается образными определениями с положительной семантикой. Так, например, цвет пшенной каши дает основание сравнить продукт с женщиной, имеющей светлые волосы, а сгущенное молоко, имеющее сладкий вкус, уподобляется красивой женщине: *...кормили пшенной кашей, той самой «блондинкой»; А сгущенку-то зараз съесть свою долю в двести грамм кто ж себе позволит? Ее, красавицу, тянуть по ложечке в день.*

Большое количество слов, встречающихся в романе, связано с военной тематикой. Это предметы, используемые в боях, оружие, военный транспорт. Они также могут сравниваться с живыми существами, нередко такие образные представления несут отрицательные коннотативные смыслы (*Злобный крик летящих бомб заполнял все пространство*) и основаны на использовании сниженной лексики: *...предложили ручной пулемет, с этой дурой, значит, в разведку; Автомобиль... бензин жрет; Танк двинулся, подминая сосняк, выплевывая мишустый торф из-под гусениц; пули взвизгивали о металл; Танк – это ненадежная скотина, до большой звездочки на нем не добраться.*

В произведении также находит свое выражение образная модель АБСТРАКТНОЕ ПОНЯТИЕ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Понятия, имеющие отрицательную коннотативную окраску, сравниваются обычно не с

человеком, а с грубым, свирепым животным или чудовищем, существом, вызывающим страх, ужас: *...война, которую я еще не видел, беспощадная ее морда, должна была вот-вот высунуться; То прячемся от нее (смерти), то идем к ней в пасть.* Однако дается и традиционный образ смерти в образе человека: *Он молодец, завязал деловые отношения со смертью, привык к ней.*

ЖИВОЕ СУЩЕСТВО – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО

Наиболее ярко в данном произведении проявляется зооморфная метафора, позволяющая сравнить человека с животным. Смыслы, связанные с человеческой грубостью, жестокостью, транслируются с помощью обобщенного образа зверя: *Гонял нас старшина. Зверюга; Сколько людей не выдерживали испытаний, зверели.* Состояние нервного возбуждения, обусловленного переживанием чувства опасности, угрозы, делает из человека существо, в котором преобладают только животные инстинкты: *Проходили минуты, меня не убивали... я был уже не человек, я стал ничтожной, наполненной ужасом тварью.* Скот традиционно ассоциируется с низкими, подлыми людьми (*В России мы оскотинились*), стая, муравейник – с большой группой людей (*Все они из одной стаи; Никто не останавливал эти массы отступающих. Кое-где выделялись группы солдат, сохраняющих строй, маленькие отряды, они шагали, не смешиваясь с этим муравейником*).

Как правило, основанием для переноса является какая-либо характерная черта животного, особенность в его повадках. С помощью таких образов описываются разнообразные человеческие качества, например, низкое социальное положение, неумение держать себя в обществе (*В их компании я всегда выглядел чушкой, они, по сравнению со мной, – аристократы*), цепкость, назойливость (*Начальник тут посерьезнел, кто это неучи, кого она имеет в виду? Вцепился, как клещ*), физическая гибкость (*В боевое охранение приползал, полз быстро, как ящерица, изгибаясь вертким телом*), неаккуратность (*Котелок дрожал в руках ефрейтора, вода расплескивалась, он пил, отфыркивался, мотал головой, словно лошадь*), неопытность (*...не оценил, слепой был, котенок новорожденный*), невысокие умственные способности (*Он всегда был с тараканами, этот Чиколев*), неряшливость (*А ты, тоже пьяный как свинья, валяешься в коридоре*), способность понимать, предчувствовать что-либо (*Инстинкт необъяснимый, кошачий, тот, что позволяет не заблудиться, найти дорогу к дому*) и др.

В некоторых случаях нет прямого сравнения человека с животным, но используются языковые «маркеры», т.е. слова, имеющие семантическую связь с данным образом и позволяющие отнести эти сравнения

к данной устойчивой метафорической модели: *...а как пришлось настоящей войной хлебнуть, так хвост поджал и бегом назад; На работе у него была раскладушка, иногда он являлся туда переночевать. Валился без задних ног и спал сладко, как в землянке; Был такой изобретатель Островой. Он меня запряг; Наступление окрыляло.* Интересно использование образной единицы «насобачиться». В словарях данное слово указывается в значении «ругаться», но в тексте Д. Гранина приобретает иное значение – «привыкнуть». Несмотря на значительные изменения в семантике данной языковой единицы, отрицательные коннотации остаются, поскольку слово характеризует врага: *...они, гады, воевать насобачились, обожают это дело.*

Интересна и метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – ЧЕЛОВЕК. Ее формирование основано на сравнении разнообразных признаков людей, имеющих отношение к какой-либо профессии, социальному классу, семейному статусу, возрастной группе и др. Так, образ аристократа связан с человеком, умеющим вести себя в обществе (*В их компании я всегда выглядел чушкой, они, по сравнению со мной, – аристократы*), образ богатыря – с физической силой (*получился этакий богатырь из народных сказок (о друге)*), образ идиота, олигофрена – с отсутствием ума (*Мне нравится это выражение идиота на своем лице. Рот приоткрыт, глаза бессмысленны, олигофрен*), образ казака – со свободой, волей (*кабель-ушки люди вольные, все равно что казаки, и командовать ими надо умеючи*), образ гусара – с красотой, удалью, желанием показать себя (*В начале 1943 года я стал лейтенантом... Гусарил...*), образ принца – с представлениями об идеальном мужчине (*Я вдруг увидел, какая она еще молодая... Она считала, что прибыл принц, тот, кто долго мечтал о ней. На белом коне*), образ врача описывает опытного в каком-либо деле человека (*Если бы Римма устраивала скандалы, он бы совсем отбился от дома. Она ждала. Так опытный врач ждет, чтобы организм взял свое*), а образ мясника – офицера высшего состава, способного пожертвовать большим количеством солдат (*У начальства выигрывал тот, кто атаковал, кладя людей без счета, кидая в бой все, что мог, кто требовал еще и еще, кто брал числом, мясом. Сколько было таких мясников среди прославленных наших генералов!*).

Также имена собственные, входящие в структуру образных единиц, передают национально-культурные смыслы, отсылают к истории, литературе, искусству и др. Большинство имен связано с литературой и кино о войне. Главный герой романа Д. Гранина сравнивает себя с известным литературным персонажем, героем многих произведений писателя Ю. Семенова, Штирлицем, когда читает дневники немецких офицеров о ходе войны и погружается в то время: *Я читал дневники с удивительным чувством, похожим на разведчика, на Штирлица, который*

проник туда, в немецкий штаб, и слышит их разговоры и что они собираются делать. Есть сравнение с сатирическим героем чешского писателя Я. Гашека Швейком, который ассоциируется с глупостью, приспособленностью к правящему режиму: *Иосиф Швейк изобрел выход из любого затруднения солдатской жизни – становиться придурком, швейковаться.* Такие черты, как храбрость, смелость, способность отдаваться общему делу, передаются с помощью образов из известных произведений А. Островского, В. Гюго, Н. Чернышевского. Герой Д. Гранина, готовый на подвиги в начале войны, сравнивает себя с их персонажами: *Шибко романтичный юноша, форменный Павка Корчагин, или Гаврош, или Рахметов, кто там еще...* Для описания простого человека, не имеющего никакой власти, используется наиболее распространенное русское имя: *...разжалуем, ванькой взводным пойдешь; Ванька-взводный, да, это невелика птица.*

Внутри данной модели можно рассмотреть и образую параллель, которая стоит особняком, поскольку живой человек сравнивается не с живым существом, а мертвым. Она отражает универсальные представления людей о том, что жизнь без положительных эмоций, полная горя, лишений и бед, лишена смысла и подобна смерти: *На самом деле он уже мертвец, но продолжает жевать* (о блокаднике); *Он столкнулся с подсудимыми, когда их вели в зал. Их, видно, придели, припудрили, но все равно шли мертвецы.*

ЧЕЛОВЕК (ЖИВОЕ СУЩЕСТВО) – НЕЧТО

В основном используются два вида метафор: фитонимная и пищевая. Первая сопоставляет человека и многообразные стороны его жизнедеятельности с растительными образами, вторая – с продуктами питания.

Метафорическая модель ЧЕЛОВЕК – РАСТЕНИЕ является универсальной для любой культуры. Для произведения Д. Гранина характерно употребление таких слов, как «лист», «листья», «листва», когда речь идет о физических характеристиках человека. Женское тело подобно молодой и свежей листве: *Ее белые ровные зубы, чистое дыхание казались мне частью налитой соками природы, как будто я целовал этот день, эту молодую прозрачную листву; Она гладила меня, руки у нее были шершавые, грубые, зато тело нежное и крепкое, и пахло оно, как этот шалаш – хвоя, березовый лист.* Несколько раз в тексте появляется образная параллель ГЛАЗА – ЯГОДЫ: *Рядом со мной Витя Трубников, инженер из транспортного. Захлебываясь, повторял, как рухнула на него железная крыша. Черничные глазки его безумно блестели; Медведев долго придирчиво допрашивал Д., кто такой, где учился, про родителей. Маленькие черничные его глазки исподлобья выглядывали подозрительно и прятались в тьму глазниц.*

Пищевая метафора в произведении Д. Гранина также находит свое яркое воплощение. Частотны образные переосмысления, в которых простые люди, солдаты, не влияющие на ход войны и отправленные офицерами высшего звена на смерть, ассоциируются с мясом, а ситуация войны, когда жестоко истребляется большое количество людей – с мясорубкой: *...ополчение, это же необузданная толпа, пушечное мясо; У начальства выигрывал тот, кто атаковал, кладя людей без счета, кидая в бой все, что мог, кто требовал еще и еще, кто брал числом, мясом; Гуляй, Вася, имею право, жизнь выиграл, досталась как праздник, чтобы заместо тех, своих, кто не уцелел в этой распроклятой мясорубке; Мясорубку не останавливали. Потери никого не смущали.*

Для описания излишней полноты человека используется образ хлеба, связанный, видимо, с представлением о дрожжах, имеющих свойство быстро расти, подниматься: *Секретарь по промышленности, блондин, пухлый, и руки пухлые, похожие на хлебобулочные изделия.*

С помощью пищевой метафоры образному переосмыслению подвергаются не только физиологические особенности человека, но и качества характера. Например, продукты, которые быстро портятся, сравниваются с людьми, неспособными довести дело до конца: *...дура была, верила обещаниям, Хрущеву поверила, а он замахнулся и скис. Какие они все скоропортящиеся!*

Модель ЧЕЛОВЕК – НЕЧТО представлена и другими метафорами. В ситуациях, когда писатель стремится подчеркнуть неизбежность смерти, ощущение ничтожности человеческой жизни, вызванное бессмысленным истреблением на войне, появляются образные единицы со словами, обозначающими то или иное изображение человека (скульптурное, игровое и др.). Живые люди становятся предметами без души и чувств: *Д. поговорил с начхозом, тот что-то возражал, но, увидев его пустые, как у статуи, глаза, запнулся; Мы стреляли в них всю зиму 1941/42 года, не видя их лиц, они исчезали за бруствером, неизвестно, убитые или прячась от пули. Примерно как фигурки в ярмарочном тире.* Такие сравнения получают дальнейшее развитие, базовый образ дробится на более мелкие образы, возникают и другие параллели, например, ЛИЦО – МАСКА: *Зря их напудрили, лица стали гипсово-белыми, будто посмертные маски (об осужденных).*

Заключение

Итак, образные единицы активно участвуют в процессе моделирования мира в романе «Мой лейтенант». Возникает обновленное семантическое пространство, включающее традиционные ассоциативно-смысловые параллели и авторскую (оказиональную) образную интерпретацию фрагментов действительности. При создании метафорических моделей Д. Гранин в большинстве случаев апеллирует к универсальным

образам и смыслам, знакомым носителю любого языка и любой культуры, что, вероятно, связано с темой войны и стремлением писателя обратиться не только к своему народу, но и ко всем людям, живущим на земле. Система сквозных образных параллелей проходит через ткань всего романа и создает единое восприятие того или иного явления. При моделировании мира также проявляются образные представления, характерные для носителя русской культуры, и индивидуальные смыслы.

Образ мира моделируется на основе концептуальных метафорических моделей. Были выявлены образные единицы, основанные на антропоморфных, зооморфных, фитоморфных, пищевых и артефактных образах. Основаниями для образных сравнений послужили внешние и внутренние характеристики объектов живой и неживой природы. Образные единицы участвуют в характеристике таких ключевых сфер действительности, как «Человек», «Природа», «Пространство», «Материальный мир», «Военная жизнь» и др.

Список источников

1. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
2. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
3. *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: идеи, методы, решения // Вестник Томский государственного университета. Филология. 2010. № 1 (9). С. 26–43.
4. *Юрина Е.А.* Миромоделирующий потенциал образных средств языка (на материале лексико-фразеологического поля кулинарных образов в русском и итальянском языках) // Образы Италии в русской словесности XVIII – XX вв. : сб. ст. / под ред. О.Б. Лебедевой, Н.Е. Меднис. Томск, 2009. С. 271–282.
5. *Юрина Е.А.* Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: по материалам междунар. науч. конф., посвященной 95-летию томской школы русистики. Томск, 2012. С. 129–144.
6. *Богданова Е.С.* Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2016. № 3 (52). С. 134–145.
7. *Бондарь А.В.* Эмотивная функция поэтической метафоры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 20 (163). С. 5–13.
8. *Трубкина А.И.* Концептуальная метафора «Человек – Природа» в художественном тексте: прагматика и функции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. № 3. С. 64–71.
9. *Мишанкина Н.А.* Метафора в терминологических системах: функции и модели // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 32–45.
10. *Апресян К.Г.* Аппетитивная функция метафоры в современном англоязычном и русскоязычном финансовом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 49–57.

11. *Аликина Е.Ю., Мишланова С.Л.* Аттрактивная функция метафоры в туристском дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. № 6 (12). С. 44–50.
12. *Лозинова П.Г.* Когнитивная функция метафоры во французском политическом дискурсе // Преподаватель XXI век. 2020. № 3–2. С. 417–427.
13. *Григорьева И.В.* Функции метафоры в создании стереотипного представления России в англоязычных медиатекстах // Профессиональная коммуникация и мультимедийность : сб. науч. тр., посвященный 15-летию кафедры английского языка № 5 МГИМО. М., 2015. С. 36–43.
14. *Харченко В.К.* Функция метафоры : учеб. пособие. М. : ЛКИ, 2007. 85 с.
15. *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры. Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37, № 4. С. 333–343.
16. *Москвин В.П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. 4-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во ЛКИ, 2012. 200 с.
17. *Исина Г.И., Трунова А.В.* Метафора как объект изучения когнитивной лингвистики // Филология. 2018. № 1 (13). С. 41–43.
18. *Вэй С.* Функции политической метафоры в современных электронных СМИ (на материале сетевого издания Газета.ru) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 5. С. 1453–1458.
19. *Аишурова Д.У.* Когнитивная сущность конвенциональной и художественной метафоры: сопоставительный анализ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 121–136.
20. *Гранин Д.А.* Мой лейтенант. М. : ОЛМА Медиа групп, 2013. 320 с.
21. *Шинкаренко Н.Б.* Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
22. *Полехина М.М.* Концептуализация страха не-бытия в книге о войне Даниила Гранина «Мой лейтенант» (об актуализации универсальных бинарных оппозиций) // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2016. Т. 9, № 5. С. 1181–1190.
23. *Ротанова Н.М.* Вербализация эмотивного оценочного концепта «Страх» в романе Даниила Гранина «Мой лейтенант» // Филологические знания на современном этапе. Курган, 2015. Вып. 4. С. 24–31.
24. *Бойко Б.Л.* Фронтальные реалии в языковой картине мира принимающей культуры (на материале немецкого перевода романа Д. Гранина «Мой лейтенант» // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 3. С. 85–100.
25. *Пушкарёва Н.В.* Языковая личность профессионала в русской языковой картине мира (на материале русской прозы) // Русский язык и культура в зеркале перевода. 2020. № 1. С. 560–570.
26. *Ярошенко О.А.* Основные составляющие образного компонента лингвокультурного типажа «русский интеллигент» // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3 (77). С. 147–153.
27. *Баранов А.Н.* О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 73–94.
28. *Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М., 1991.
29. *Дзусова Б.Т.* О лингвистической роли когнитивной метафоры в художественном тексте // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 277–279.
30. *Склярова О.С.* Метафора как лингвокогнитивный механизм формирования художественной картины мира // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147). С. 113–116.
31. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.

32. Кушнерук С.Л. Направления исследования миромоделирования в российской лингвистике: парадигмальные рамки и понятийный аппарат // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 2. С. 439–465.
33. Балдова А.В. Миромоделирующая и аксиологическая функции пищевой метафоры в русском языке : дис. ...канд. филол. наук. Томск, 2016. 239 с.
34. Вилкова А.В. Миромоделирующая функция метафоры (на материале творчества В. Полозковой) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 36–43.
35. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 3–11.
36. Блинова О.И., Юрина Е.А. Образная лексика русского языка // Язык и культура. 2008. № 1. С. 5–13.
37. Калашиникова Л.В. Метафора – мощный лингвистический инструмент, преобразующий действительность в мир воображаемый // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 69–72.
38. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М. : Наука, 1988. 176 с.
39. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
40. Langacker R.W. An Overview of Cognitive Grammar // Topics in Cognitive Linguistics / ed. by Rudzka-Ostin B. Amsterdam : Philadelphia, 1998. P. 3–48.

References

1. Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 242 p.
2. Chudinov A.P. (2001) *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000): monografiya* [Russia in a Metaphorical Mirror: Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000): Monograph]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo URGPU. 238 p.
3. Rezanova Z.I. (2010) *Metaforicheskii fragment russkoi yazykovoi kartiny mira: idei, metody, resheniya* [Metaphorical segment of Russian linguistic picture of the world: ideas, methods, solutions] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 1 (9). pp. 26–43.
4. Yurina E.A. (2009) *Miromodeliruyushchii potentsial obraznykh sredstv yazyka (na materiale leksiko-frazeologicheskogo polya kulinarykh obrazov v russkom i ital'yanskom yazykakh)* [The world-modeling potential of figurative means of language (based on the material of the lexical and phraseological field of culinary images in the Russian and Italian languages)] // *Obrazy Italii v russkoi slovesnosti XVIII–XX vv.: sb. st. / pod red. O.B. Lebedevoi, N.E. Mednis*. Tomsk. pp. 271–282.
5. Yurina E.A. (2012) *Motivologicheskie osnovy teorii leksicheskoi obraznosti* [Motivological foundations of the theory of lexical imagery] // *Aktual'nye problemy motivologii v lingvistike XXI v.: po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu tomskoi shkoly rusistiki*. Tomsk. pp. 129–144.
6. Bogdanova E.S. (2016) *Metafora v khudozhestvennom tekste: funktsii, vospriyatie, interpretatsiya* [Metaphors in fictional texts: functions, perceptions, interpretations] // Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina. 3 (52). pp. 134–145.
7. Bondar A.V. (2013) *Ehmotivnaya funktsiya poehticheskoi metafory* [The emotive function of poetic metaphor] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 20 (163). pp. 5–13.
8. Trubkina A.I. (2020) *Kontseptual'naya metafora "Chelovek – Priroda" v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii* [Conceptual metaphor 'Human being –

- Nature' in literary text: pragmatics and functions] // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 3. pp. 64–71.
9. Mishankina N.A. (2012) Metafora v terminologicheskikh sistemakh: funktsii i modeli [Metaphor in terminological systems: functions and models] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 4 (20). pp. 32–45.
 10. Apresyan K.G. (2020) Attraktivnaya funktsiya metafory v sovremennom angloyazychnom i russkoyazychnom finansovom disкурse [Attractive function of metaphor in the modern English and Russian financial discourse] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 4. pp. 49–57.
 11. Alikina E.Yu., Mishlanova S.L. (2010) Attraktivnaya funktsiya metafory v turistskom disкурse [Attractive function of metaphor in touristic discourse] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 6 (12). pp. 44–50.
 12. Loginova P.G. (2020) Kognitivnaya funktsiya metafory vo frantsuzskom politicheskom disкурse [The role of metaphor as a cognitive linguistic phenomenon in French political discourse] // Prepodavatel' XXI vek. 3–2. pp. 417–427.
 13. Grigorieva I.V. (2015) Funktsii metafory v sozdanii stereotipnogo predstavleniya Rossii v angloyazychnykh mediatekstakh [Functions of metaphor in creating a stereotypical representation of Russia in English-language media texts] // Professional'naya kommunikatsiya i mul'tikompetentnost'. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi 15-letiyu kafedry angliiskogo yazyka No. 5 MGIMO. M. pp. 36–43.
 14. Kharchenko V.K. (2007) Funktsiya metafory: Uchebnoe posobie [The function of metaphor: A textbook]. M.: LKI. 85 p.
 15. Arutyunova N.D. (1978) Funktsional'nye tipy yazykovoi metafory [Functional types of linguistic metaphor] // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka. Vol. 37 (4). pp. 333–343.
 16. Moskvina V.P. (2012) Russkaya metafora: Oчерk semioticheskoi teorii [Russian metaphor: Essay on semiotic theory]. Izd. 4-e, ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo LKI. 200 p.
 17. Isina G.I., Trunova A.V. (2018) Metafora kak objekt izucheniya kognitivnoi lingvistiki [Metaphor as an object of study of cognitive linguistics] // Filologiya. 1 (13). pp. 41–43.
 18. Wei X. (2021) Funktsii politicheskoi metafory v sovremennykh ehlektronnykh SMI (na materiale setevogo izdaniya Gazeta.ru) [Political metaphor functioning in the modern electronic media (by the material of the online newspaper “Gazeta.ru”)] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Vol. 14 (5). pp. 1453–1458.
 19. Ashurova D.U. (2023) Kognitivnaya sushchnost' konventsional'noy i khudozhestvennoy metafory: sopostavitel'nyy analiz [Cognitive nature of conventional and literary metaphor: comparative analysis] // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 1. pp. 121–136.
 20. Granin D.A. (2013) Moy leytenant [My Lieutenant]. M.: ZAO OLMA Media Grupp. 320 p.
 21. Shinkarenko N.B. (2005) Metaforicheskoe modelirovanie khudozhestvennogo mira v disкурse russkoi rok-poehzii [Metaphorical modeling of the artistic world in the discourse of Russian rock poetry]. Abstract of Philology cand. dis. Ekaterinburg. 24 p.
 22. Polekhina M.M. (2016) Kontseptualizatsiya strakha ne-bytiya v knige o voyne Daniila Granina “Moy leytenant” (ob aktualizatsii universal'nykh binarnykh oppozitsiy) [Conceptualization of the fear of non-being in the book about war ‘My lieutenant’ by Daniil Granin (on actualization of universal binary oppositions)] // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 9 (5). pp. 1181–1190.
 23. Rotanova N.M. (2015) Verbalizatsiya emotivnogo otsenochnogo kontsepta ‘Strakh’ v romane Daniila Granina “Moy leytenant” [Verbalization of the emotive evaluative concept ‘Fear’ in Daniil Granin's novel ‘My lieutenant’] // Filologicheskie znaniya na sovremennom etape. Kurgan. 4. pp. 24–31.
 24. Boiko B.L. (2015) Frontovye realii v yazykovoy kartine mira prinimayushchey kul'tury (na materiale nemetskogo perevoda romana D. Granina “Moy leytenant”) [Front realia in the language world picture of the receiving culture: a case study of a German translation of

- Daniil Granin's novel 'My lieutenant'] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda. 3. pp. 85–100.
25. Pushkareva N.V. (2020) Yazykovaya lichnost' professionala v russkoy yazykovoy kartine mira (na materiale russkoy prozy) [Professional's linguistic personality in Russian linguistic view of the world (on the material of Russian prose)] // Russkiy yazyk i kul'tura v zerkale perevoda. 1. pp. 560–570.
 26. Yaroshenko O.A. (2010) Osnovnye sostavlyayushchie obraznogo komponenta lingvokul'turnogo tipazha "russkiy intelligent" [Basic elements of image-bearing component of the linguo-cultural character type 'Russian intelligent'] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 3 (77). pp. 147–153.
 27. Baranov A.N. (2003) O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modelej [On types of metaphorical models' combinations] // Voprosy yazykoznanii. M.: Nauka. 2. pp. 73–94.
 28. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. (1991) Russkaya politicheskaya metafora: Materialy k slovaryu [Russian political metaphor: Materials for the dictionary]. M.: IRYA. 193 p.
 29. Dzusova B.T. (2019) O lingvisticheskoy roli kognitivnoy metafory v khudozhestvennom tekste [On the linguistic role of cognitive metaphor in artistic text] // Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal. Vol 8. 3 (28). pp. 277–279.
 30. Sklyarova O.S. (2020) Metafora kak lingvokognitivnyy mekhanizm formirovaniya khudozhestvennoy kartiny mira [Metaphor as a linguocognitive mechanism of the development of fiction world picture] // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 4 (147). pp. 113–116.
 31. Arutyunova N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and discourse] // Teoriya metafory: sbornik / pod obshch. red. N.D. Arutyunovoi, M.A. Zhurinskoi. M.: Progress. pp. 5–32.
 32. Kushneruk S.L. (2024) Napravleniya issledovaniya miromodelirovaniya v rossiiskoi lingvistike: paradigmal'nye ramki i ponyatiinyi apparat [Trends in the research of world-modeling from the perspective of Russian linguistics: paradigmatic framework and conceptual apparatus] // Russian Journal of Linguistics. Vol. 28 (2). pp. 439–465.
 33. Baldova A.V. (2016) Miromodeliruyushchaya i aksiologicheskaya funktsii pishchevoi metafory v russkom yazyke [The world-modeling and axiological functions of the food metaphor in the Russian language]. Philology cand. dis. Tomsk. 239 p.
 34. Vil'kova A.B. (2023) Miromodeliruyushchaya funktsiya metafory (na materiale tvorchestva V. Polozkovoi) [The world-modeling function of a metaphor (based on the material of V. Polozkova's oeuvre)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 3. pp. 36–43.
 35. Blinova O.I. (1983) Obraznost' kak kategoriya leksikologii [Imagery as a category of lexicology] // Ekspressivnost' leksiki i frazeologii. Novosibirsk. pp. 3–11.
 36. Blinova O.I., Yurina E.A. (2008) Obraznaya leksika russkogo yazyka [Image-bearing vocabulary of the Russian language]. Yazyk i kul'tura. 1. pp. 5–13.
 37. Kalashnikova L.V. (2011) Metafora – moshchnyy lingvisticheskii instrument, preobrazuyushchii deistvitel'nost' v mir voobrazhaemyi [Metaphor as powerful linguistic instrument transforming reality into imaginary world] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota. 3 (10). pp. 69–72.
 38. Telia V.N. (1988) Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenoch'naya funktsiya [Metaphor as a model of semantic production and its expressive and evaluative function] // Metafora v yazyke i tekste. M.: Nauka. 176 p.
 39. Boldyrev N.N. (2016) Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive schemes of linguistic interpretation]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 4. pp. 10–20.
 40. Langacker R.W. (1998) An Overview of Cognitive Grammar // Topics in Cognitive Linguistics / ed. by Rudzka-Ostin B. Amsterdam: Philadelphia. pp. 3–48.

Информация об авторах:

Пак И.Я. – кандидат филологических наук, преподаватель, научный сотрудник, Институт иностранных языков, Центр перевода и исследований мировой литературы, Народный университет Китая (Пекин, КНР). E-mail: Ira3822@yandex.ru

Демидова Т.А. – кандидат филологических наук, доцент, доцент отделения русского языка, Школа общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск, Россия). E-mail: demidtanya@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Pak I.Ya., Ph.D. (Philology), Russian teacher, scientist of the School of Foreign Languages, Center for Translation and Study of World Literature, Renmin University of China (Beijing, People's Republic of China). E-mail: Ira3822@yandex.ru

Demidova T.A., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Russian Language Department, School of Social sciences, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: demidtanya@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 12.12.2024; принята к публикации 13.05.2025

Received 12.12.2024; accepted for publication 13.05.2025